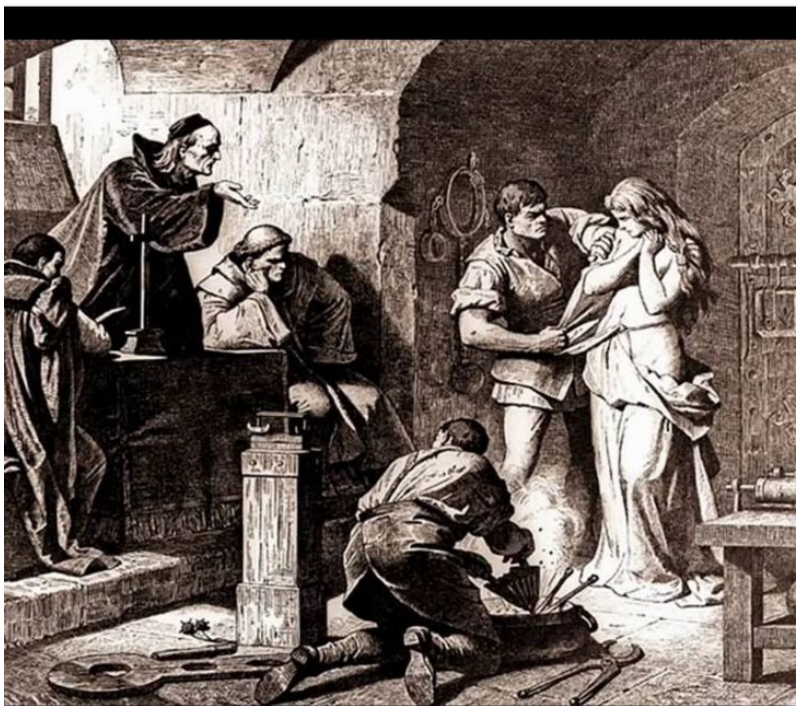

18+

ГЕННАДИЙ КОПЫТОВ

Агнес

Геннадий Копытов

Agnес

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42389202

ISBN 9785449669599

Аннотация

Инквизиция. Какое страшное, беспощадное слово. За ним ужас, страх, безумство и треск вой костра на потеху черни. Уничтожение тысячи красивейших женщин – сделало европейцев умнее, добрее, сильнее? Отнюдь нет. И сейчас это особенно отражается на мужском населении Европы. Эта бессмысленная злоба навеки в них, как код деградации и безбожия, печать дьявола!

Содержание

Агнес	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Agnec

Геннадий Копытов

© Геннадий Копытов, 2019

ISBN 978-5-4496-6959-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Agnec

What is mist is mistery.

What is hits is history.

1527 год от воплощения Господа нашего Иисуса Христа.
Месяца апреля, числа 17. Кемптен, южная Германия.

В воскресенье, во втором часу по полудни, Агнесс Штиль направилась на городской базар, не обычной короткой дорогой, мимо собора Святого Петра, а в обход, так как боялась встретиться с настоятелем собора – епископом кемптенской епархии отцом Бернардом.

Приближался праздник Святой Пасхи, в церквях шли приготовления и Агнесс была уверена, что наверняка столкнется со святым отцом где-нибудь на улице. Потому Агнесс и пошла через ратушную площадь. С окраины, где она жила это был самый долгий путь...

Там, в Риме, ей казалось, что она совсем забыла его, и краткие воспоминания не были болезненными.

Но сейчас ей было страшно и одновременно сладко от мысли, что его можно встретить вот за этим углом или

на этой узкой улице, и что живет он в каких-то двух кварталах от нее...

На площади у ратуши было, почему-то, много людей. Под ногами чавкала жидкая грязь, а с крыши ратуши на головы ротозеев здоровенные сосульки поливали струйками мутной воды.

Агнесс протолкалась в толпе к дверям. На дубовых дверях была прибита грамота с печатью эрцгерцога.

Седой грамотный ремесленник в замусоленном суконном переднике сбивчиво читал вслух.

Грамота была странной и страшной.

«Мы, викарий, пресвятлейшего отца Вольфрида-инквизитора Мюнхенского, графства округа Кемптен, желая чтобы врученный нашему попечению христианский народ воспитывался в единстве и чистоте Католической Веры и держался вдалеке от еретической извращенности во славу Иисуса Христа, для искоренения еретических воззрений и помыслов, Мы, указанный инквизитор приписываем, увещеваем и приказываем всем и каждому, какое положение они не занимали; в этом городе и в двух милях в окружности, под страхом отлучения, явиться в течении последующих 12 дней в префектуру округа Кемптен, о которых, когда-либо, шла молва как о еретичках или ведьмах, или вредительницах здоровья, домашнего скота и полезных злаков, или приносящих

вред государству.

Ежели те, кто знает о существовании таких женщин, или деяниях их, не явятся и не укажут их, то они будут пронзены кинжалом Отлучения или претерпят заключения в городской тюрьме, либо каторжные работы в каменоломнях.

Мы произнесем слово отлучение для всех кто упорно не повинуется.

Право отмены наказания остается за светской городской властью, а право возврата в лоно Святой Матери Католической Церкви оставляем за собой.

Наказываем всем жителям города собраться в полдень на площади у ратуши сего года, апреля месяца 24 числа».

Агнесс напугала странная грамота. Она попыталась выбраться из толпы, одетых во все грязное ремесленников, крестьян и мельников с плечами, осыпанными мучной пылью, и досужих горожан. Это оказалось не просто – площадь была плотно набита людьми. Толпы любопытных прибывали и прибывали.

Часы на ратуши пробили три часа дня. Агнессу вновь вытеснили к самым дверям.

Створки дверей распахнулись. Десяток стражников прочистили дорогу щитами и древками копий. Кто-то должен был появиться из городского начальства.

Для обзора Агнесс имела небольшой клочок, выше двух сжатых стальных наплечников и ниже широких касок. И в этой амбразуре вдруг появилось лицо отца Бернарда.

Удивление и радость увидела она, но лицо епископа исчезло, за ним проследовал незнакомый мрачный священник в черном капюшоне и глава магистрата.

Но прежде, чем скрыться за щитом стражника рука епископа показала: следуй за мной.

Такое знакомое, едва заметное движение... как раньше. Ладонь поднялась вверх и упала, согнувшись под прямым углом с плотно сжатым двуперстием, как указатель направления.

Сомнения исчезли: ничего не изменилось! Соблазн и грех преследовали ее повсюду. Она поспешила прочь от стального коридора... Он догнал ее на узкой улочке.

– Когда же вы вернулись из Рима?
– Месяц назад, святой отец...
– Милая, где я смогу увидеть тебя?
– О чем вы, святой отец?
– Как о чем?!... Нет, я больше не могу так! Я ждал тебя целый год! Ты убиваешь меня!

Он схватил ее за руки. Она отчаянно вырвалась, и оттолкнула его руки: Оставьте, оставьте меня, святой отец! – закричала Агнесс: «Я не хочу!»

Прохожие удивленно оглядывались на них.

– Успокойтесь, дочь моя, успокойтесь, – умирал более сам себя, чем ее отец Берnard: «возьмите себя в руки»... Простите меня, фройлен Штиль!... Я слишком возбужден нашей встречей!.. Это было так неожиданно... Я давно не видел Вас... До меня доходили слухи о Вашем сподвижничестве в Святых местах... Я счастлив, я рад... Я удивлен... Я хотел бы видеть Вас сегодня вечером у себя... Как тогда...»

Агнесс вырвалась и убежала по грязным весенним улицам Кемптена, а ее забытую корзину попирали и пинали прохожие на углу ратушной площади.

Обиженный и униженный отец Берnard, еще несколько минут подавленно стоял в переулке, повторяя самому себе аргументы и фразы, которые он так давно приготовил, но так и не успел привести при, этой неожиданной, встрече с Агнесс.

И он нашел последний веский аргумент. Вечером отец Берnard пробрался в мирском платье под мост к знакомой колдунье по имени Асхара. За несколько золотых монет Асхара согласилась приворожить Агнессу Штиль... Это был не первый заказ епископа...

Среди ночи Агнесс вдруг проснулась от невыносимой тоски и тревоги и долго ее подушка была мокрой от слез. Всю ночь ей казалось, что епископ зовет ее откуда-то сверху. Несколько раз она выбегала на улицу. Даже забралась на чердак, прислушивалась.

Это была страшная и долгая ночь.

24 апреля 1527 года от Р.Х. жители г. Кемптена собрались на площади у городской ратуши. На море взволнованных голов набегал, словно шквальный ветер на зыбкие травы, уверенный и мощный голос брата-инквизитора отца Вольффрида, который взывал с высоты крыльца ратуши.

– Жители города Кемптена! В ваших краях появилась и плодится ересь. До Его Святейшества дошли сведения, что здесь... у вас, с Божьего попущения, процветает богомерзкое, ужасное явление, которое является страшнейшим грехом перед Богом ... – и название которому – колдовство!

Толпа испуганно ахнула.

– Да-да, уважаемые горожане Кемптена, и вас затронула эта зараза!.. Ибо сказано в писании – будут прокляты занимающиеся: волшебством, гаданием, киданием костей, метанием рунических палочек и прочими лжепредсказаниями и мерзостями – во веки веков. И так если кому-либо, что-ли-

бо известно о деяниях ведьм и колдовстве – незамедлительно сообщить в письменной форме в магистрат. Неграмотным – допускаются устные денунциации. Только незамедлительные денунциации освободят вас от духовного и светского преследования... Упорствующих же еретиков мы будем карать. Для того у нас имеются специальные полномочия Его Святейшества Папы Климента VII и булла Вормского собора, в которой указано, что за доноительство – наказание: мужчин – посечение мечем, женщин – зарытие живыми в землю... Вероотступники, язычники, ведьмы и прочие еретики передаются светской власти для пыток и сожжения!..

Неожиданно откуда-то появился епископ Бернард. У Агнесс екнуло сердце, ей хотелось спрятаться от него.

– Я требую, чтобы вы, дочь моя, пришли ко мне сегодня к вечерней службе!

– Я не приду, святой отец.

– Отчего, дитя мое?

– Я... не могу!

– Можете! – стал повышать голос епископ.

– Не хочу!

– Хотите, хотите! – близко, зло и горячо зашептал отец Бернард: вспомни... помнишь? Он смотрел ей прямо в глаза. Ты помнишь?...

– Помню.

– Так ты придешь!?

– Нет, святой отец!

– Стерва!! – закричал он и оттолкнул ее: «Сука!»

Доминиканец менее уверенно продолжал: «Кто все же утаится от нас – да не утаится от кары Господней!..»

Вдруг на ступеньки крыльца поднялся епископ отец Бернард. Его голос дрожал, руки блуждали по сутане, лицо было в пунцовых пятнах.

– Жители Кемптена... Я долго не решался, но Господь принуждает меня к истине... Эта женщина – ведьма! – (его рука поднялась, прошла по замершей толпе и указала на Агнесс) – обвиняю ее в колдовстве!.. Она приворожила меня. *Names Dominus*, возьмите ее! —

Агнесс ничего не успела ни подумать, ни испугаться, а стража уже опрокинула ее на землю и тащила куда-то.

Агнесс оказалась в темноте на мокром полу каземата. Дверь гулко грохнула. В камере была абсолютная тьма. Потом глаза немного привыкли к темноте и она стала различать углы и стены, дверь и потолок...

Это началось два года назад; в апреле 1525 года от Р.Х. здесь в Кемптене... Бюргеры очищали от мусора свои дворы, таскали на чердаки всякий хозяйственный хлам, открывали после зимы окна.

Солнце выжгло снег и высушило лужи. Отец Штиль жил с дочерью на окраине грязного деревянного Кемптена. Осенью и весной грязь становилась просто невыносимой.

Отец Штиль был хормейстером, то есть курировал и обучал хоры церковей кемптенской епархии.

В субботу рано утром отец Штиль удрученный похмелем: злой и беспокойный, отправился по своим капельмейстерским делам.

Агнесс проснулась вслед за отцом, оделась, молча помолилась Деве Марии и позавтракала молоком и черным хлебом.

С голубого неба солнце заливало, как Благой Вестью, землю и дом отца Штиля. Разноцветные стекла в окнах сверкали ослепительно ярко и обжигали глаза; и за ними ничего невозможно было разглядеть. Казалось, что на улице – жаркий летний полдень.

Агнесс накинута на плечи отцовский плащ и вышла во двор. На улице оказалось прохладно, хотя солнце и слепило глаза.

Она постояла в задумчивости минуту разглядывая темно-синее небо, вышла за калитку и пошла к лесу. Лес был огромный. Конца его не было видно, он занимал весь горизонт... Он занимал все детство, занимал всю душу Агнесс.

Лес чуть-чуть зазеленел, словно был в легком бледно-зеленом тумане. Снег почти сошел, лишь оставался кое-где в глубоких ямах и оврагах. Оттуда он сочился тонкими струйками в глубокую лесную балку. Здесь была настоящая лесная речка: мощная и стремительная. Агнесс ощутила трепет перед этой неожиданной стихией. Она попыталась перебраться через овраг по поваленному стволу – но едва не свалилась в воду и не намочила ноги – дерево было гнилым. Агнесс легко соскочила на свой берег и пошла вверх по ручью.

На возвышении земля вся согрелась и уже проклюнулась зеленая щетина травы, зажелтели цветы мать-и-мачехи и бледно-голубые подснежники.

Агнесс сорвала семь самых больших подснежников, длинной в ладонь были их стебли. Она любовалась ими, расправляя каждый лепесток.

Вдруг легкий стон почудился ей. Она затихла, прислушиваясь. Стон повторился. Станный стон... женский.

Потихоньку, чтобы не шуршать прошлогодней листвой, Агнесс пробралась вперед шагов на 50 и остановилась за раздвоенным стволом осины.

Осиновый лес здесь кончался, а дальше начинался сосновый. Их рассекала узкая просека.

Прямо на просеке были женщина и мужчина. Мужчина был в рясе! Лица Агнесс не видела – он был спиной к ней, женщину она не знала на вид ей было 20—25 лет, судя по одежде – дочь небогатого горожанина, скорее ремесленника: портного или башмачника.

Они целовались... как-то агрессивно, словно хотели съесть друг друга. Мужчина расшнуровал платье девушки на спине и стащил верхнюю часть с плеч, обнажив ее груди. Он осторожно брал в руки, наклонял к ним свое лицо целовал Шг пунцовые соски. Женщина, откинувшись, держалась за его шею руками. Она опять застонала.

Мужчина порывисто скинул рясу, бросил ее на весеннюю грязь, и стянув платье с женщины увлек ее боком на раскинутую рясу. В одно мгновение, уже на земле, они полностью обнажились – на фоне черной рясы и темных стволов их тела ослепительно белели.

Агнесс узнала мужчину. Это был епископ кемптенской епархии, настоятель собора Святого Петра – отец Бернارد. Она часто ходила в этот храм – пела там с отцовской капеллой, и отец Штиль как-то знакомил их...

Агнесс разглядела его тело. Широкие плечи, узкие бедра, крепкие мышцы. Удивительно – ни одной жировой складки, как это полагается обыкновенно к сану. Этим плечам должно носить солдатские латы, а не сутану священника. И надлежало бы этому тридцатилетнему крепышу подпирать воинство Христово не «Господни словеса»; но подобно рыцарям Ордена Креста, щитом и копьем. Только борода и длинные волнистые, тщательно вымытые, ухоженные и подвитые на концах волосы как-то компенсировали рыцарское сложение, указуя скорее на духовное звание их обладателя.

Женщина встала на колени, положив локти и грудь на траву и высоко приподняв белые ягодицы. Отец Бернард скользнул нежно и медленно ладонями по ее раскинутым по рясе волосам, по грудям, правая рука его перешла на спину, по ягодицам, по бедрам. Левая ладонь пропала между ног. Женщина блаженно охнула и нетерпеливо притянула любовника к себе.

Он расположился сзади нее. Они отчаянно задержались навстречу друг другу. Она двигалась назад, словно хотела оттолкнуть его от себя, он вперед, встречая ее. Потом она отодвинулась и перевернулась на спину, широко раскинув ноги, приглашая его к себе.

Он упал на нее. Женщина так яростно двигалась, что при каждом движении подкидывала своего любовника и Агнесс видела черную полосу на ее лобке...

Агнесс была ошеломлена увиденным, оглушена. Она понимала, что видеть все это – грех, но не могла оторваться. Ее трясло от возбуждения и озноба. Любовникам же было жарко, их тела блестели от пота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.